

Подпочва

Дмитрий Правдин

Дмитрий Правдин

**Подпочва. Повесть третья
из цикла «Резонанс»**

«Автор»

2026

Правдин Д.

Подпочва. Повесть третья из цикла «Резонанс» / Д. Правдин — «Автор», 2026

Земля не течёт. Земля лежит, храня вес того, что было закопано и забыто. Новый клиент Матвея — пожилой историк-архивист Игорь Петрович. Его тело превратилось в живую карту стёртых с лица города захоронений: фантомные боли возникают там, где под асфальтом покоятся безымянные жертвы прошлого. Эта боль не лечится таблетками, она требует свидетеля. Матвею предстоит стать не просто терапевтом, но инженером памяти — принять на себя тяжесть чужого горя и научиться быть опорой для тех, кто несёт неподъёмный груз истории. Третья повесть цикла «Резонанс» — о стратиграфии молчания и о том, как невыплаканные слёзы целых поколений превращаются в фундамент настоящего.

© Правдин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Стратиграфия молчания	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Дмитрий Правдин

Подпочва. Повесть третья из цикла «Резонанс»

Глава 1. Стратиграфия молчания

Земля не течёт. Земля лежит.

Если вода была движением, то земля была весом. Тяжестью, которая не просит русла, а требует опоры. Если река могла обойти препятствие, то пласт грунта принимал давление целиком, уплотняясь, спрессовываясь, превращая время в камень, а память — в окаменелость.

Матвей чувствовал этот переход всем телом. После «Русла» прошло три недели. Вода внутри него успокоилась, улеглась на дно внутреннего ландшафта, став подземным горизонтом, питающим корни, но больше не затопляющим комнаты. Теперь пришло время того, что под водой. Того, что держит воду. Того, что было до воды и останется после неё.

Бессонница Матвея снова изменила качество. Она перестала быть звуком или течением. Она стала *плотностью*. Ощущением, что воздух в кабинете сгустился, стал вязким, как глина. Что пол под ногами — не паркет на лагах, а тонкая корка над бездной утрамбованных веков. Что само его тело весит больше, чем должно весить тело человека, не спавшего восемьдесят девять дней.

Он не чувствовал усталости. Усталость — это дефицит. А он чувствовал избыток. Избыток массы. Избыток истории. Избыток того, что было закопано, забыто, замолчано, но не исчезло. Никогда не исчезало. Просто ждало. Ждало того, кто сможет выдержать этот вес, не провалившись.

Кабинет казался другим. Не потому, что изменилась обстановка. Книги стояли на тех же полках, лампа горела тем же зелёным светом, кресло занимало прежнее место у окна. Изменилась *вертикаль*. Пространство стало глубже. Потолок казался ниже, пол — ниже, стены — толще. Комната превратилась в раскоп. В слой культурного горизонта, который только начали вскрывать.

Матвей сидел в кресле и чувствовал, как его позвоночник становится керном. Буровой колонкой, уходящей вглубь. Каждый позвонок — эпоха. Шейные — настоящее. Грудные — двадцатый век. Поясничные — империя. Крестец — петровская эпоха. Копчик — ледник. Скала. Время до человека.

И в каждом слое — молчание. Не тишина. Тишина — это отсутствие звука. Молчание — это присутствие невысказанного. Присутствие того, чему запретили звучать. Того, что было насильственно утопано в землю. Того, чьи голоса были заменены официальной версией, а тела — общим котлованом.

Сегодняшний клиент был носителем этого молчания.

Игорь Петрович Громов. Шестьдесят семь лет. Историк-архивист, кандидат наук, специалист по городской топографии XIX века. На пенсии. Вдовец. Диагноз от ревматолога: «Фибромиалгия неясного генеза». Диагноз от невролога: «Соматоформное болевое расстройство». Диагноз от психиатра: «Депрессивный эпизод средней степени».

Ни один диагноз не объяснял главного. Боли, которые не имели анатомической причины. Боли, которые приходили не от воспаления или травмы, а от *места*. Боли, которые возникали, когда Игорь Петрович проходил по определённым улицам, заходил в определённые дворы, становился на определённые точки карты города.

Тело как архив. Тело как карта захоронений, стёртых с официальных планов. Тело, которое помнило то, что документы забыли или уничтожили.

Часы показали 15:55. До приёма оставалось пять минут.

Матвей закрыл глаза и позволил себе почувствовать тяжесть. Не сопротивляться ей. Не облегчать. Не искать метафору, которая сделала бы её переносимой. Просто *выдержать*. Стать опорой для того, что сейчас войдёт в эту комнату.

Земля не просила понимания. Земля просила присутствия. Присутствия, способного вместить вес без разрушения.

Дверь открылась. Звук петель был глухим, низким. Звуком старого дерева, помнящего тысячи открываний и закрываний.

Игорь Петрович вошёл медленно. Каждое движение давалось ему с видимым усилием. Не из-за слабости мышц. Из-за тяжести, которую он нёс. Тяжести, невидимой для глаз, но очевидной для тела Матвея.

Он был невысоким, плотным, с лицом, которое казалось высеченным из серого гранита. Морщины лежали не как следы эмоций, а как геологические разломы. Глаза — тёмные, глубокие, лишённые блеска. Глаза человека, который слишком долго смотрел в прошлое и разучился видеть настоящее. Одежда — потёртый твидовый пиджак, рубашка с высоким воротником, ботинки на толстой подошве. Одежда человека, который одевается не для красоты, а для защиты. Для брони между собой и миром.

— Здравствуйте, — сказал он. Голос был низким, скрипучим, как песок под подошвой. Голос, который привык говорить с бумагами, а не с людьми. Голос, в котором каждое слово весило больше, чем должно.

— Здравствуйте, Игорь Петрович. Проходите. Садитесь, где вам удобно.

Он выбрал кресло не у окна и не напротив Матвея. Он выбрал место у стены. Спиной к стене. Поза человека, который знает: опасность приходит не спереди, а снизу. Из-под земли. Из-под пола. Из того, на чём стоит всё остальное.

Матвей не стал корректировать. Земля сама диктует позицию. Он лишь отметил: клиент ищет опору. Ищет стену, которая не рухнет. Ищет подтверждение, что под ним есть нечто твёрдое, даже если это твёрдое — боль.

— Расскажите, что происходит, — сказал Матвей. Голос его был не водой и не камнем. Он был *грунтом*. Плотным. Несущим. Способным принять вес, не оседая.

Игорь Петрович молчал долго. Его руки лежали на коленях. Пальцы не перебирали ткань, не сжимались. Они просто лежали. Тяжёлые. Как камни.

— Я знаю, где они лежат, — сказал он наконец. Не «мне кажется». Не «я чувствую». Знание. Факт. Столь же неоспоримый, как дата в архивном документе. — Не все. Многие. Но достаточно, чтобы моё тело стало картой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.